

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА: ЕЕ СВОЙСТВА И ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. С. ГУТОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Рассматривается фразеологическая картина мира, выделяются свойства, важные с точки зрения ее изучения, формулируются связанные с ними методологические установки исследования. Демонстрируется, что фразеологическая картина мира характеризуется следующими свойствами: а) этнокогнитивной специфичностью (выражает особенности национального мировидения), б) облигаторностью (усваивается абсолютно всеми носителями языка) и самоочевидностью (воспринимается носителями как точная смысловая копия мира, а не его национальная интерпретация), в) неполной осознаваемости (не осознается носителями в полном объеме ее содержания и структурированности). Указывается, что этнокогнитивная специфичность предопределяет необходимость исследования фразеологической картины мира (отдельного ее фрагмента) в сопоставительном аспекте, при котором соотносятся изображения мира (отдельного феномена мира), закрепленные во фразеологических фондах разных языков; облигаторность и самоочевидность диктуют потребность привлекать данные научной картины мира для оценки меры антропологичности фразеологической картины мира (ее фрагмента), адекватности фразеологической картины мира (ее фрагмента) миру (отдельному феномену мира); неполная осознаваемость определяет необходимость ориентировать исследование не только на экспликацию полноты содержания фразеологической картины мира (ее фрагмента), но и на выявление упорядоченности этого содержания.

Ключевые слова: свойства фразеологической картины мира; этнокогнитивная специфичность; облигаторность и самоочевидность; неполная осознаваемость; методологические принципы лингвокогнитивного исследования фразеологии.

PHRASEOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD: ITS PROPERTIES AND PRINCIPLES OF STUDY

M. S. GUTOVSKAYA^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The paper explores the phraseological picture of the world, considers those of its properties which are relevant to its study and formulates methodological principles arising from these properties. It shows that the phraseological picture of the world is characterized by the properties of a) national cognitive specificity (it captures uniqueness of the national worldview), b) obligatoriness (it is acquired by every native speaker), self-evidence (native speakers treat it as an exact copy of the world rather than some national interpretation of it), c) partial perceivability (native speakers are not fully aware of its entire content and structure). It indicates that the national cognitive specificity predetermines the need to carry out a research of the phraseological picture of the world (of a single phenomenon of the world) in the contrastive aspect, through comparing pictures of the world (of its single phenomenon) which are fixed in phraseological resources of different languages; obligatoriness and self-evidence dictate the need to attract data of the scientific picture of the world for assessment of adequacy of the phraseological picture (of its single fragment) to the world (to its single phenomenon); partial perceivability determines the need to focus research not only on explication of the entire content of the phraseological picture of the world (of its single fragment), but also on identification of the content structure.

Key words: properties of the phraseological picture of the world; national cognitive specificity; obligatoriness and self-evidence; partial perceivability; methodological principles of cognitive linguistic study of phraseology.

Образец цитирования:

Гутовская М. С. Фразеологическая картина мира: ее свойства и принципы исследования // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. 2016. № 3. С. 41–48.

For citation:

Gutovskaya M. S. Phraseological picture of the world: its properties and principles of study. *Vesnik BDU. Ser. 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2016. No. 3. P. 41–48 (in Russ.).

Автор:

Марина Степановна Гутовская – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета.

Author:

Marina Gutovskaya, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of theoretical and slavic linguistics, faculty of philology.
marina-gutovskaya@yandex.by

Проблема взаимосвязи языка и мышления является извечной для лингвистики, и в настоящее время наблюдается очередной всплеск интереса к ней. Во второй половине XX в. в развитии лингвистики наметился общеметодологический сдвиг, связанный со снятием негласных позитивистских запретов на объяснение языковых явлений через непосредственно ненаблюдаемые ментальные категории – когнитивные структуры и оперирующие этими структурами когнитивные механизмы. В результате когнитивного поворота изменились познавательные установки науки о языке: утвердилось «понимание и изучение языка как средства формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании и обмена знаниями» [1, с. 19], осмысление языка как окна в ментальный мир человека, «средства доступа к тайнам мыслительных процессов» [2, с. 12]. Это ознаменовало оформление когнитивного направления лингвистики.

Довольно скоро из состава когнитивной лингвистики выделилась когнитивная фразеология, в рамках которой фразеология понимается как средство хранения и организации в человеческом сознании фразеологических (аккумуляированных во фразеологии) знаний о мире. Основным объектом исследования в когнитивной фразеологии является семантика. Фразеологическое значение считается элементом содержания фразеологической картины мира (ФКМ) – выстроенной в сознании упорядоченной совокупности фразеологических представлений о действительности. Одной из главных теоретических проблем когнитивной фразеологии является соотношение семантики с действительностью: ФКМ непосредственно связана с действительностью, но действительность особым образом преобразована и структурирована в ней. Когнитивное изучение фразеологии получило широкое распространение – сегодня имеется большое количество статей, монографий и диссертационных исследований, посвященных ФКМ. Однако когнитивная фразеология еще находится в стадии формирования и в ней имеется целый ряд нерешенных проблем.

Остаются не до конца изученными свойства ФКМ. Показательно, что свойства языковой картины мира (ЯКМ) исследованы достаточно широко. Например, установлено, что ЯКМ находится в границах языка и не выходит в область речи (текстов), и поэтому материалом для ее реконструкции могут служить только языковые значения – значения единиц лексического, грамматического и фонетического уровней, фиксируемые соответственно в словарях, грамматиках и книгах по фонетике данного языка, но не смыслы, возникающие в устной или письменной речи – текстах на данном языке [3, с. 37; 4, с. 229]. Выявлено, что основной объем содержания ЯКМ закреплен в семантике единиц лексического уровня – слов и фразеологизмов, а полевая (в виде семантических полей) структура лексической семантики воплощает концептуальную организацию ЯКМ в коллективном языковом сознании [5, с. 33; 6, с. 96, 106, 295]. Выяснено, что картина мира любого национального языка представлена интернациональной (общей у картин мира разных языков) и национально-специфической (отличающей картину мира одного языка от картин мира других языков) составляющими; присутствие первой делает возможным взаимопонимание представителей разных языковых сообществ, наличие второй обеспечивает неповторимость мировидения каждого языкового коллектива, и для сопоставительных исследований интерес представляют как различия между картинами мира разных языков, так и их сходства [3, с. 39; 6, с. 92–95, 107–122]. Показано, что в ЯКМ отображен объективный мир – мир объективно существующих реалий – и субъективный мир – мир порожденных человеческим сознанием сущностей (абстрактно-логических понятий, субъективных оценочно-ценностных категорий, придуманных человеком мифологических, фольклорных и литературных образов и др.); объективный и субъективный миры в ЯКМ тесно переплетены между собой и образуют единый образ мира [6, с. 286].

Предположительно, свойства, постулируемые для ЯКМ, могут оказаться релевантными и для ФКМ. Однако такое предположение требует проверки. Знание о каждом относящемся и к ЯКМ, и к ФКМ свойстве можно углубить, например рассмотреть порождающие его во фразеологии факторы. К тому же у ФКМ как особого, отличного от ЯКМ, когнитивного образования, возможно, имеются собственные, только ей присущие характеристики. Задача выявления свойств ФКМ имеет методологическую значимость – ее решение может способствовать определению методологических установок исследования ФКМ. В данной работе предпринята попытка выявить свойства ФКМ, релевантные для ее исследования, и сформулировать вытекающие из них методологические установки ее изучения.

У ФКМ любого национального языка можно выделить несколько важных с точки зрения ее изучения свойств: а) она выражает особенности национального мировидения (этнокогнитивная специфичность¹); б) усваивается абсолютно всеми носителями языка (облигаторность) и воспринимается ими

¹Термин «этнокогнитивная специфичность» употребляется здесь в связи с различием трех видов национальной специфичности во фразеологии – этнолингвистической (обусловленной особенностями национального языка), этнокультурной (связанной с самобытностью национальной культуры) и этнокогнитивной (детерминированной своеобразием национального видения мира). Подробно эти виды фразеологической этноспецифичности рассмотрены в другой работе автора [7].

не как национальная интерпретация, а как достоверная копия мира (самоочевидность); в) ФКМ не вполне осознается носителями языка во всем ее объеме и структурированности (неполнота осознаваемости).

Этнокогнитивная специфичность ФКМ. Между действительностью и ее отображением во фразеологической картине любого естественного языка нет полного тождества. Специфичными являются как сам предмет фразеологического изображения (то, что изображается), так и способ его изображения (то, как изображается). ФКМ не копирует предмет изображения, а воспроизводит его в упрощенном и неточном (несколько искаженном) виде: в конкретной национальной ФКМ отображаются не все свойства мира, а лишь те, которые понимаются ее носителями как важные (упрощенное знание о мире), а также содержатся черты, которыми в действительности мир не обладает (заблуждения и вымыслы). Такой упрощенно-искаженный предмет изображения представляется в ФКМ оценочным и ассоциативно-образным способом: в ФКМ вписывается ценностное отношение ее носителей к миру (ценностная оценка) и фиксируются их представления о связях феноменов мира (ассоциации). Разные ФКМ упрощают, искажают, оценивают мир и ассоциативно связывают его феномены несколько по-своему, и это предопределяет этнокогнитивную специфичность каждой ФКМ. Степень самобытности фразеологических (и в целом языковых) интерпретаций феноменов мира объективного и мира субъективного различается. Максимальной специфичностью отличаются запечатленные в разных национальных ФКМ (и ЯКМ) изображения одних и тех же артефактов сознания; расхождений в разноязычных картинах объективно существующих реалий сравнительно меньше [6, с. 284]. И все же этнокогнитивная специфичность, обусловленная особенностями упрощения, искажения, оценивания мира и ассоциативного соотнесения его феноменов, является неотъемлемым свойством ФКМ в целом и каждого ее фрагмента в отдельности.

Рассмотрим одно из качеств ФКМ, порождающих ее этнокогнитивную специфичность, – упрощенность¹. Образ мира, представленный во фразеологической картине любого национального языка, в общем является упрощенным² – неполным и поверхностным. В ФКМ имеются белые пятна – множество реально существующих в мире объектов не отражены в ФКМ (и ЯКМ). В связи с этим можно сказать, что любая ФКМ является неполной. Присутствие в ФКМ белых пятен связано с предельностью человеческих возможностей миропонимания: многие феномены мира остаются непостижимыми для человека, и поэтому не представлены в ФКМ (и ЯКМ) [9, с. 87, 101–104]. Играет свою роль и избирательность языкового сознания в присвоении мира: не все, даже то, что воспринимается человеком и понятно ему, оказывается запечатленным в ФКМ (и ЯКМ). Языковую номинацию обретают лишь важные для человека (в терминологии Е. В. Рахиловой – «салиентные») и коммуникативно востребованные объекты материального и духовного мира, а для всего неактуального и коммуникативно нерелевантного названия в языке отсутствуют [10, с. 37; 11, с. 15]. Например, в русском языке нет наименования для такой объективно существующей, но малозначимой реалии, как полоска льда на тротуаре, по которой можно, разбежавшись, прокатиться зимой; незадуманной остается такая реалия, как сухое вещество, собирающееся в уголке глаза (примеры З. Д. Поповой и И. А. Стернина [12, с. 85]), и многое другое.

Наличающиеся в ФКМ объекты изображаются поверхностно: фиксируются только те их свойства, которые воспринимаются органами чувств в процессе взаимодействия с ними человека, более глубокие аспекты могут игнорироваться. В этом смысле любую ФКМ можно считать поверхностной. Это свойство фразеологического изображения феноменов мира и человека как его части может быть показано на примере русской фразеологической картины речевого аппарата. Состав органов, участвующих, согласно русской ФКМ, в продуцировании речи, далеко не полон. Участие тех или иных органов в речепроизводстве, очевидно, устанавливается русскоязычным сознанием на основании факта их движения, определяемого путем непосредственного наблюдения и по факту кинестезических (двигательных) ощущений говорящего. К речевым причисляются те органы, движение которых наблюдается (ощущается) при производстве речи: самый подвижный орган речи – язык (*трепать языком*), губы (*едва шевелить губами*), напрягающиеся и сужающиеся (расширяющиеся) при говорении глотка и горло (*во все горло кричать, во всю глотку кричать*). В связи с особенностями произношения отмечено также участие в производстве речи носовой полости (*говорить в нос*), зубов (*говорить сквозь зубы*) и рта (*каша во рту* ‘о невнятном произношении’). Русской ФКМ проигнорирована, не замечена значительная часть органов, участвующих в речепроизводстве, – легкие, бронхи и трахея, создающие и проводящие необходимую для образования речевых звуков струю воздуха; голосовые связки, благодаря колебаниям которых генерируется голос; небная занавеска с увулой; твердое небо (пассивный орган речи): в русском языке отсутствуют фразеологизмы, относящиеся к продуцированию речи, которые

¹Другие качества ФКМ, обеспечивающие наряду с упрощенностью ее этнокогнитивную специфичность, – неточность, оценочность, ассоциативность исследуются в статье [8].

²Несмотря на упрощенность отображения мира, ФКМ (как и ЯКМ) воспринимается носителями любого национального языка как полная, ведь «предмет существует только в отраженной своей части; в непознанной же своей части он не существует для нашего сознания, хотя и существует объективно» [9, с. 88].

включали бы в свой состав соответствующие компоненты. Примечательно, что, не отмечая участия в производстве речи скрытых от непосредственного наблюдения голосовых связок, русскоязычное сознание все же связывает этот процесс с той частью тела, где голосовые складки расположены, – горлом, так как при интенсивном говорении в этом участке отмечается некоторая усталость, дискомфорт (*орать до хрипоты в горле*). В связи с порождением речи также упоминается вместилище легких – грудь (*надсаживать грудь, грудной голос*).

ФКМ разных национальных языков могут отличаться по полноте – составу запечатленных в них объектов мира – и глубине представления этих объектов. Так, например, английская ФКМ несколько глубже, чем русская, рассматривает речевой аппарат, состав органов, участвующих в порождении речи, относя к ним и легкие: ср. английские фразеологизмы со значением ‘очень громко говорить, кричать’ с компонентом *lungs* ‘легкие’ (*bawl at the top of one’s lungs* – досл. ‘орать во всю силу своих легких’, *scream one’s lungs out* – досл. ‘выкрикивать свои легкие наружу’)¹.

Методологическая установка, вытекающая из этнокогнитивной специфичности ФКМ. Этнокогнитивная специфичность ФКМ конкретного языка, обусловленная особенностями этнического видения мира, в частности самобытностью его упрощения, искажения, оценивания, а также ассоциативного сближения его феноменов, не ощущается ее носителями. Они не осознают, что предмет изображения ФКМ родного языка – набор отображенных объектов мира и их реальных (знания) и воображаемых (вымыслы, заблуждения) свойств, – а также присущий родной ФКМ способ изображения – организация во фразеологическом образе элементов объекта, техника их описания и представление через ассоциируемые с ними сущности – являются отчасти национально обусловленными. Этнокогнитивная специфичность любой ФКМ может быть раскрыта не иначе как в ее сопоставлении с иноязычной ФКМ. В связи с этим наиболее эффективным в изучении ФКМ (и ЯКМ) представляется межъязыковой сопоставительный подход (об этом, хотя и в несколько ином контексте, писали многие исследователи, работающие в лингвокогнитивном ключе [3, с. 44; 12, с. 38; 14, с. 26; 15, S. 20–21; 16, с. 136]). В сопоставительных исследованиях, предполагающих сравнение разноязычных фразеологических изображений мира или отдельных его феноменов, национальные особенности их фразеологического воспроизведения проявляются наиболее рельефно.

Облигаторность и самоочевидность. Зафиксированный в языке способ мировидения (мирочувствования, мироосмысления и мирооценки) передается от поколения к поколению, «навязывается в качестве обязательного всем носителям языка» [3, с. 39]: в процессе овладения родным языком человек приобщается к накопленному всем языковым сообществом и отображенному в языке опыту, бессознательно и облигаторно (с обязательностью) впитывает закрепленный в языке способ видения мира. ЯКМ воспринимается носителями языка не как вольная интерпретация, а как «смысловой двойник мира», не как одна из возможных точек зрения на мир, а как единственный способ мировидения, т. е. ЯКМ рассматривается носителями как самоочевидное семантическое отображение мира – абсолютно тождественное с действительностью и единственно возможное [17, с. 46]. В связи с этим О. А. Корнилов говорил о необходимости при исследовании ЯКМ абстрагироваться от предлагаемого языком понимания мира и отмечал важность принципа «остранения» в изучении ЯКМ – «такого рассмотрения языкового материала, которое бы осуществлялось НИ С КАКОЙ “точки зрения”, как бы из ниоткуда» [6, с. 94]. Каким образом при изучении ЯКМ достичь остранения – отвлечься от заключенного в языке и являющегося обязательным и самоочевидным для всех его носителей (включая исследователей) понимания мира, О. А. Корнилов не поясняет.

Важна идея остраненности и в исследовании ФКМ. Однако размышления наводят на мысль о том, что принцип остранения в сформулированном О. А. Корниловым виде трудно реализуем на практике: обозревать что-либо нельзя из ниоткуда, нужна определенная точка зрения, с которой может осуществляться рассмотрение. Для того чтобы отвлечься от навязываемого ФКМ конкретного национального языка видения мира, необходимо, как кажется, найти такую точку, позицию обозрения мира, которая оказалась бы нейтральной относительно фразеологической точки зрения. В качестве таковой не может рассматриваться ФКМ другого национального языка: фразеологические картины разных языков, конечно, представляют собой национально-специфические интерпретации мира, однако действительность интерпретируется в них во многом по одним и тем же специфически человеческим, антропологическим правилам [17, с. 44–45; 11, с. 13]. Представляется, что в качестве нейтральной по отношению к ФКМ любого естественного языка точки зрения на мир может служить научное видение мира. Научная картина мира (НКМ) в сравнении с ФКМ менее антропологична, более адекватна миру и потому может считаться подходящим нейтральным фоном для выявления особенностей фразеологического воспроизведения мира.

¹Об этом подробнее см. [13].

Отличия НКМ и ФКМ по их адекватности миру объясняются рядом причин. Во-первых, они различаются по способу формирования, выработки содержащихся в них знаний и свойству этих знаний. НКМ стремится к объективности: она формируется в результате рационального осмысления мира и не содержит в себе ничего, кроме отражения реальной действительности. Знание, закрепленное во фразеологии любого естественного языка, не свободно от субъективизма: ФКМ строится на основе логического и внелогического (интуитивного) осмысливания, чувственного восприятия, ассоциативного понимания, ценностного, эмоционального и нравственного оценивания феноменов человеческого бытия и сочетает в себе отражение реального мира и всего привносимого в него человеческим сознанием, т. е. объективное и субъективное.

Во-вторых, у НКМ и ФКМ разные законы развития, и это определяет их отличия по гомогенности содержания. НКМ динамична, она видоизменяется по мере постижения научным сознанием миропорядка. Смена научных парадигм всякий раз знаменует коренное изменение научных представлений о мироустройстве – НКМ словно пишется с чистого листа. Примером может служить смена со все увеличивающейся скоростью парадигм физической картины мира: картина мира древних – механистическая картина мира – электромагнитная картина мира – квантово-полевая картина мира (пример О. А. Корнилова [6, с. 11]). Динамизм НКМ позволяет ей всегда оставаться современной – представлять современное знание мирового научного сообщества о мире, которое считается на данном этапе развития науки точным. ФКМ развивается гораздо менее динамично, чем НКМ, неспешно и очень избирательно вбирая в себя научные достижения. Ядро ФКМ – старейшие ее участки, которые связаны с феноменами, жизненно важными для человека и потому в первую очередь подвергавшимися осмыслению и номинации, – остается практически неизменным. Происходящие в ФКМ изменения не носят радикального характера: они вызваны не столько стремлением пересмотреть выстроенный во фразеологии образ мира, сколько необходимостью поименовать и тем самым включить в ФКМ возникающие в повседневной жизни новые объекты и явления. Можно сказать, что ФКМ, работа над которой была начата тысячи лет назад, лишь дорисовывается. В силу своей стабильности, консервативности ФКМ любого современного языка оказывается в определенной степени архаично неточной: содержит наряду с современными представлениями заблуждения и вымыслы – следы архаичного наивного (нестроного, неточного) миропонимания, которое было свойственно его носителям на этапе становления языка, в эпоху донаучного познания мира. Архаично неточными являются, например, русские фразеологические представления о производстве звуков, произнесении членораздельных элементов речи. По данным русской фразеологии, основным органом, обеспечивающим озвучивание речи, является язык. Об этом свидетельствует наличие в русском языке десятков фразеологизмов, относящихся к производству речи, с компонентом *язык* при единичности или полном отсутствии фразеологизмов с компонентами – наименованиями других органов речи: для порождения речевых звуков языком совершают различные манипуляции – *языком болтают, плетут, звонят*; сбой в звукопроизводстве описывается как нарушение в функционировании языка – *язык заплетается, отнялся, прилип к гортани*. Однако сегодня науке известно, что язык не играет ведущей роли в порождении большинства звуков речи: гласных – например, [а]; сонорных – [м]; звонких шумных – [д], а также глоттальных – [х]. Основной особенностью гласных, сонорных и звонких шумных является то, что они произносятся с модалным голосом, возникающим в результате вибрации голосовых связок, язык участвует лишь в модификации некоторых из этих звуков. Глоттальные звуки и вовсе образуются без участия языка – смыканием голосовых связок.

В-третьих, у НКМ и ФКМ разные функции, и это влияет на объем их содержания. Основное предназначение НКМ состоит в стремлении к тождеству с миром, максимально полному освоению и отображению объективного мира, поэтому аккумулированные в ней сведения о мире признаются полными (хотя и принимается тот факт, что и НКМ вряд ли когда-нибудь сможет стать тождественной миру, поскольку мир в принципе не может быть познан до конца). Главная функция ФКМ – обеспечение преемственности представлений ее носителей об устройстве мира. С этим связана упрощенность ФКМ – передаваться от поколения к поколению и усваиваться всеми без исключения ее носителями может только ограниченный объем информации. Упрощенность заключенного в ФКМ знания является проявлением защитной реакции языкового сознания на сложность мира и меняющиеся представления о нем и необходимым условием выполнения ФКМ своей мировоззренческой функции.

Методологическая установка, вытекающая из обязательности и самоочевидности ФКМ. ФКМ запечатлевает результаты мироосмысления, мироощущения и мирооценки, складывается на протяжении тысяч лет и медленно меняется, стремится к трансляции через поколение ее носителей преемственных представлений о мироустройстве, поэтому содержит в себе объективное и субъективное, интегрирует достоверное и ошибочное, представляя мир упрощенно. НКМ, характеризующаяся относительной объективностью, точностью и полнотой сосредоточенных в ней знаний, принципиально противопоставлена ФКМ и может привлекаться для оценки адекватности ФКМ миру, меры ее

антропологичности. Сопоставление научной и фразеологической картин некоторого феномена мира дает возможность выявить на фоне универсального, единого для всех народов научного знания специфику фразеологического отображения феномена: определить меру субъективности его фразеологического изображения (эмоционально-, нравственно-, ценностно-оценочную и ассоциативно-образную составляющие) и установить в его фразеологическом воспроизведении возможные искажения (противоречащие современным научным знаниям черты) и упрощения (менее полное, чем в науке, изображение).

Неполная осознаваемость. ФКМ (как и ЯКМ в целом) является продуктом стихийно складывавшейся на протяжении веков естественной рационализации человеческого жизненного опыта и имеет системный характер [3, с. 39]. Однако все содержание и системность ФКМ (и ЯКМ) не вполне осознаются ее носителями. Запечатленная в языковой семантике картина мира коренится в подсознании [17, с. 23] и существует для ее носителей в размытом и неотрелективированном состоянии [18, с. 14–15] – в виде континуума не имеющих четких границ, перетекающих друг в друга языковых значений, структурированность которых не осмысливается. Полное содержание и упорядоченность ФКМ (и ЯКМ) не всегда могут быть вскрыты ее носителем и в актах интроспекции, языковой рефлексии. Так, носитель конкретной национальной ФКМ не может без проведения специального исследования выполнить даже относительно простые систематизирующие действия: охарактеризовать идеографические особенности ФКМ – определить, какие ячейки языковой идеографической (понятийной, смысловой, семантической) сетки покрываются фразеологией, а какие остаются фразеологически незаполненными; выделить в ФКМ отдельные фразеологические концепты – увидеть во фразеологическом семантическом пространстве отдельные ключевые смыслы, вокруг которых объединяются фразеологические значения, образуя фразеосемантические поля; установить состав единиц, объективирующих отдельный фразеологический концепт, – перечислить все фразеологизмы, относящиеся к семантическому полю концепта; ранжировать фразеологические концепты по степени их значимости – назвать концепты, которые представлены наибольшим, меньшим и наименьшим количеством фразеологизмов.

ФКМ как упорядоченной совокупности фразеологических представлений о мире (реальном и воображаемом) в готовом, доступном для непосредственного восприятия виде не существует. Она представлена во фразеологической семантике имплицитно и может быть реконструирована только путем когнитивного исследования – намеренной специальной рефлексии над закрепленным во фразеологической семантике стихийным естественным осмыслением мира в целях систематизации этого осмысления. В связи с этим представляется, что суть реконструкции отдельного фразеологического концепта (фразеологической картины соответствующего феномена мира) состоит, во-первых, в экспликации полного содержания фразеологического концепта, во-вторых, в раскрытии системности (структурированности, упорядоченности, организованности) эксплицированного содержания.

Экспликацию содержания фразеологического концепта (предмета фразеологического изображения – того, что изображено на соответствующем фрагменте ФКМ) удобно осуществлять по принципу от общего к частному – сначала выявить основные (общие) признаки концепта, а затем обратиться к его частным признакам. На основные признаки фразеологического концепта (наиболее важные составляющие, или аспекты, элементы, части рассматриваемого феномена, присутствующие в его фразеологическом изображении) указывают основные семы, основные дифференциальные семантические признаки, выделяющиеся во фразеосемантическом поле и объединяющие вокруг себя его единицы во фразеосемантические группы. Частные признаки концепта (более мелкие черты феномена, образующие отдельные составляющие его фразеологического изображения) образуют семы, вычленившиеся внутри каждой фразеосемантической группы и организующие вокруг себя ее единицы в более дробные объединения – фразеосемантические подгруппы, подподгруппы и т. д. Полному содержанию фразеологического концепта как совокупности основных и частных признаков соответствует полный набор сем, формирующих его фразеосемантическое поле. И как показано выше, содержание фразеологического концепта может оказаться не вполне соответствующим рассматриваемому феномену – быть несколько упрощенным (отображать не все присущие феномену черты), неточным (приписывать феномену черты, не соответствующие современным представлениям о нем) и т. д.

Содержание фразеологического концепта структурировано по ценностному принципу [17, с. 45] – основные признаки концепта упорядочены в соответствии с их ценностной значимостью. Раскрывать системность его содержания (способ фразеологического изображения феномена – то, как он изображен, как его составляющие организованы в единый фразеологический образ) можно в направлении от частного к общему – вначале определить ценностную значимость каждого основного концептуального признака, а затем установить относительную значимость всех этих признаков, т. е. иерархизировать их по значимости. Ценностная значимость всякого основного признака фразеологического концепта определяется степенью фразеологической представленности соответствующей признаку фразеосемантической группы – количеством входящих в группу фразеологизмов. Заметим, что значимость

концептуальных признаков с высокой фразеологической репрезентацией может быть разной природы – культурной и когнитивной. Природа значимости определяется семантическими свойствами фразеологических репрезентантов признаков концепта: культурно значимые признаки репрезентируются множеством семантически неоднородных, детализирующих признаков фразеологизмов, когнитивно значимые – множеством синонимичных фразеологизмов¹. Иерархическая упорядоченность, или относительная ценностная значимость, всех основных признаков фразеологического концепта коррелирует с последовательностью расположения фразеосемантических групп поля относительно друг друга в зависимости от степени их представленности фразеологизмами. Возможности реконструкции фразеологического концепта с экспликацией его содержания и последующим раскрытием структурированности эксплицированного содержания показаны на примере русского и английского фразеологического концепта спора в другой работе автора [19, с. 39–50].

Методологическая установка, вытекающая из неполной осознанности ФКМ. В понимании ФКМ важной является мысль об упорядоченности сконцентрированных в ней знаний. ФКМ – это упорядоченная совокупность фразеологических представлений о мире, поэтому реконструкция отдельного фразеологического концепта должна предполагать вскрытие структурированности образующих концепт знаний, т. е. заключаться не только в выявлении постулируемых фразеологией признаков концепта, но и определении относительной значимости этих признаков, их иерархической упорядоченности. В процессе реконструкции фразеологического концепта, как и в ходе любой другой научной систематизации (включая систематизации, не ориентированные когнитивно), объект исследования (в нашем случае – совокупность актуальных значений фразеологизмов, образующих соответствующее концепту фразеосемантическое поле) «доорганизовывается», и описание реконструированного фразеологического концепта неизменно оказывается более организованным, упорядоченным, чем сам объект [20, с. 40–42].

Таким образом, ФКМ обладает свойствами, о которых обычные ее носители не подозревают. ФКМ представляет собой семантическое изображение мира, которое этнически обусловлено и сосуществует с другими этническими версиями мировидения, выполнено в антропологичном стиле, организовано в целом по ценностному принципу. Однако для своих носителей ФКМ существует как смысловая копия мира – естественная и единственно возможная, в точности соответствующая миру, неотрефлексированная в полном объеме ее содержания и его структурированности. В связи с этим при изучении ФКМ (или отдельного ее фрагмента – фразеологического концепта) любого национального языка полезным представляется придерживаться трех методологических принципов: 1) осуществлять исследование в сопоставительном аспекте – в сравнении принадлежащих разным языкам фразеологических изображений мира (отдельного феномена мира); 2) привлекать НКМ для оценки адекватности ФКМ (ее фрагмента) предмету изображения; 3) ориентировать исследование на экспликацию полноты содержания ФКМ (ее фрагмента) и выявление упорядоченности этого содержания. Соблюдение названных принципов позволит определить этническое своеобразие фразеологического отображения мира (феномена мира), установить антропологические особенности фразеологического изображения мира (его феномена), реконструировать ФКМ (ее фрагмент) во всей полноте как ценностно упорядоченную совокупность фразеологических представлений о мире (феномене мира).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК (REFERENCES)

1. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2004. № 1. С. 18–36 [Boldyrev N. N. The conceptual space of cognitive linguistics. *Vopr. kognitivnoi lingvistiki*. 2004. No. 1. P. 18–36 (in Russ.)].
2. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2004. № 1. С. 6–17 [Kubryakova E. S. On cognitive science and actual problems of cognitive linguistics. *Vopr. kognitivnoi lingvistiki*. 2004. No. 1. P. 6–17 (in Russ.)].
3. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // *Вопр. языкознания*. 1995. № 1. С. 37–67 [Apresjan Yu. D. The image of man: an experiment in systematic description based on linguistic data. *Vopr. yazykozn.* 1995. No. 1. P. 37–67 (in Russ.)].
4. Мечковская Н. [Б.] Две картины мира: язык и обыденное сознание (информационная фактура, делимитация границ и стереотипов) // *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich*. 5. Opis, konfrontacja, przekład. Wrocław, 2005. S. 227–238 [Mechkovskaya N. Two pictures of the world: the language vrs. folk consciousness (kinds of information, delimitation of borders and stereotypes). *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich*. 5. Opis, konfrontacja, przekład. Wrocław, 2005. P. 227–238 (in Russ.)].
5. Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии // *Языковая картина мира и системная лексикография*. М., 2006. С. 33–160.
6. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2011.

¹О культурной vs когнитивной природе ценностной значимости признаков концепта и особенностях языкового выражения значимости этих двух видов подробнее см. [19, с. 49–50; 8, с. 51–52].

7. Гутовская М. С. Три вида этноспецифичности во фразеологии: этнолингвистическая, этнокультурная и этнокогнитивная специфичность // *Respectus Philologicus*. 2015. № 27 (32). С. 156–165 [Gutovskaya M. S. Three types of ethno-specificity in phraseology: ethno-linguistic, ethno-cultural and ethno-cognitive specificity. *Respectus Philologicus*. 2015. No. 27 (32). P. 156–165 (in Russ.)].
8. Гутовская М. С. Этноспецифичность фразеологической картины мира и факторы, ее порождающие // Вестн. БДУ. Сер. 4, Филология. Журналистика. Педагогика. 2014. № 2. С. 48–53 [Gutovskaya M. S. National specificity of phraseological picture of the world and factors which generate it. *Vesnik BDU. Ser. 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2014. No. 2. P. 48–53 (in Russ.)].
9. Серебренников Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988. С. 87–107.
10. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопр. языкознания. 1994. № 4. С. 34–47 [Kubriakova E. S. The early stages of cognitivism: Linguistic – Psychology – Cognitive science. *Voпр. yazykozп.* 1994. No. 4. P. 34–47 (in Russ.)].
11. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2010.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.
13. Гутовская М. С. Концепт ‘речепроизводство’ в языковом и научном сознании // *Rossica Olomucensia*. 2009. Vol. XLVIII. № 1. С. 253–257 [Gutovskaya M. S. The concept ‘speech production’ in the language and scientific consciousness. *Rossica Olomucensia*. 2009. Vol. XLVIII. No. 1. P. 253–257 (in Russ.)].
14. Мокиенко В. М., Николаева Е. К. Интернациональный фонд русской фразеологической картины мира // *Rossica Olomucensia*. 2001. Vol. XL. С. 17–34 [Mokienko V. M., Nikolaeva E. K. International fund of the Russian phraseological picture of the world. *Rossica Olomucensia*. 2001. Vol. XL. P. 17–34 (in Russ.)].
15. Мечковская Н. В. Когнитивная лингвистика в СНГ: разнообразие программ и методологические коллизии // *Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik = Славянские языки в когнитивном аспекте*. Wiesbaden, 2010. S. 13–36 [Mechkovskaya N. V. Cognitive Linguistics in the CIS: a variety of programs and methodological conflicts. *Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik*. Wiesbaden, 2010. P. 13–36 (in Russ.)].
16. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М., 2010.
17. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988. С. 8–69.
18. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. М., 2012.
19. Гутовская М. С. Фразеосемантическое поле в компаративном лингвокогнитивном освещении: направления и метод исследования // *Respectus Philologicus*. 2014. № 25 (30). С. 31–52 [Gutovskaya M. S. Phraseological semantic field in contrastive cognitive linguistic study: directions and method of research. *Respectus Philologicus*. 2014. No. 25 (30). P. 31–52 (in Russ.)].
20. Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотической системы // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 38–57.

Статья поступила в редакцию 06.09.2016.
Received by editorial board 06.09.2016.